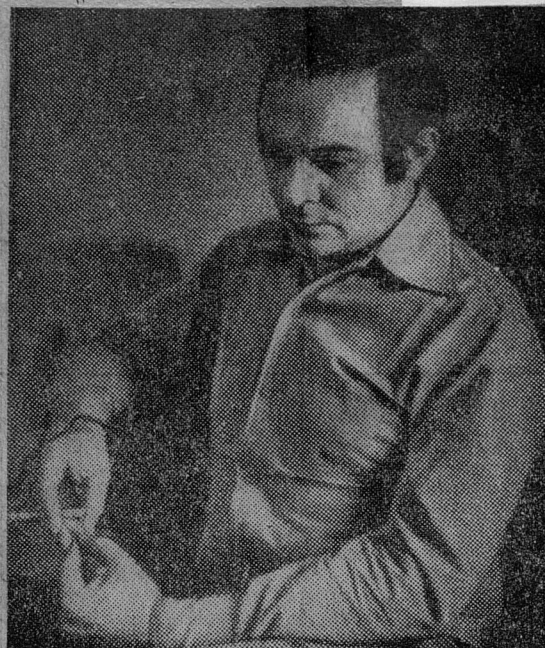

«НЕ ПЕТЬ— ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО НЕ ДЫШАТЬ...»

НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «СМЕНЫ» ОТВЕЧАЕТ
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР МУСЛИМ МАГОМАЕВ

ВЧЕРА на концерте было море цветов, были овации в честь человека, голос которого, казалось, заставлял вздрагивать люстры, а сегодня в номере гостиницы оказывается, что в разговоре голос у него очень даже негромкий, и сам он совсем не такой уж «плакатный», каким подчас выглядит на экране телевизора... Оказывается, что этот высокий, стройный человек в голубой джинсовой рубашке и светлых брюках не «по-актерски» очень сдержан, сосредоточен...

— Сколько, Муслим Магометович, вы у нас не были!

— Лет двенадцать, пожалуй...

— На первом концерте, отвечая на горячий прием слушателей, вы сказали: «Хорошо приезжать в гости редко...» Чем же был вызван столь долгий «антракт»?

— Любовью к вашему городу, к ленинградскому слушателю. Поясню. На берегах Невы тогда, двенадцать лет назад, я выступал в оперном и камерном репертуарах. Позже всерьез занялся эстрадной песней. Начались поиски своей манеры, пришлось многому учиться... И пока шли эти поиски, приезжать в Ленинград и здесь экспериментировать не хотелось. Последние три года отдал созданию Государственного эстрадно-симфонического оркестра Азербайджана, который и возглавил. Премьера состоялась в январе в Баку, затем концерты в Москве, и вот теперь — ваш город...

— Выступления ваши проходят с успехом колоссальным. И сейчас бы хотелось чуть разоблачиться в истинных успехах. Ну, например, по какому принципу отбираете песни для репертуара? Что считаете в песне главным?

— Я считаю, что каждый певец должен прежде всего искать «свое» произведение, тщательно обдумать его за фортепиано, решить «по-своему», вложить в него частицу сердца и только затем отдавать слушателю. Бывает, композитор показывает хорошую песню, но я чувствую — «не моя», слышу в ней и голос и стиль другого исполнителя... Выбирая произведение, ты должен быть уверен, что станешь достойным соавтором композитора и поэта. Исполнителю необходимо поддерживать тесный контакт с несколькими авторами, близкими по духу. Например, с Арно Бабаджаняном связаны мои первые шаги на эстраде, так сказать, проба сил. Его песни очень подходят моему голосу, манере... Часто исполняю произведения на стихи Роберта Рождественского, которые привлекают меня и своей музыкальностью, и тем, что они логичны, а поэтому быстро запоминаются и легко поются. Крепнет моя творческая дружба и с популярнейшим композитором советской молодежи

Александрой Пахмутовой. Очень люблю песни на стихи Николая Добронравова. По тематике (как слушатели, очевидно, уже догадались) мне импонируют песни лирические и драматические...
— Обычно эстрадную песню относят к так называемому «легкому жанру»...
— ...И при этом под словом «легкий» подразумевают «легкодоступный». Но «легкодоступное» — это еще не значит хорошее. И мне кажется, что, пользуясь именно популярностью легкого жанра, нужно прививать слушателям хороший вкус... Например, на мой взгляд, интересно, когда композитор использует в песне интонации классической музыки — это во многом обогащает произведение, а следовательно, и вкус слушателя. Вот Франсис Лей в кинофильме «История любви» написал лейтмотив явно в стиле секвенций Баха, и эта мелодия, несмотря на сложность, стала популярнейшей во всем мире, даже у самой неискушенной аудитории. Таким же приемом пользовался и Таривердиев в создании музыки к фильму «Семнадцать мгновений весны» — и тоже успешно...

— Можете ли вы из всех ваших песен выделить какую-нибудь одну, особенно для вас дорогую и важную?

— Очень трудная задача... Ну, может быть, «Бухенвальдский набат» Ваню Ильича Мурзели. Тогда, в шестьдесят втором, я только-только приехал в Москву, и меня захватила, потрясла эта великая антивоенная песня. Кстати, это была вообще первая песня, которую я исполнил на эстраде... Нынешней весной ко Дню Победы наш оркестр подготовил музыкальную композицию «Вечная слава героям!», где наряду с новыми песнями, такими, как «Малая земля», «За того парня», «Хирсима», я вновь исполняю и «Бухенвальдский набат»...

— Кто из певцов оказывал или оказывает на вас влияние?

— Многие. Естественно, великий русский певец и актер Шалапин... Первыми моими учителями были патефонные пластинки. Особенно — записи моего кумира Марио Ланца (это единственный человек, у которого, будь он жив, я меч-

тал бы взять автограф). Увидел и услышал его еще мальчишкой в фильме «Великий Каруз». Марио Ланца импонирует мне и тембром голоса, и музыкальностью, и экспрессией. Он пел и классику, и народные песни, и современные мелодии, и камерную музыку... Он отдавал себя искусству полностью — оттого и сгорел рано... Прежде чем найти свою манеру пения, в начале творческого пути я подражал Георгу Отсу.

— А что вы больше всего в исполнителе цените?

— Индивидуальность. Непохожсть на других. Сейчас в зрительных залах молодых талантов в телевидении мы слышим немало певцов, обладающих неплохими вокальными данными, но редко встречаемся с индивидуальностью. Подражать какому-нибудь известному певцу, пока не найдешь своей манеры пения, может, и не грех. Но проходит год-два, некоторые исполнители уже приобретают известность, а вот индивидуальности, увы, так и не появляется. Стоит ли петь «под кого-то», когда тот все равно делает это значительно лучше тебя?

— Пожалуй, прежде всего это ваше замечание относится к вокально-инструментальным ансамблям...

— Да, их количество с качеством явно не согласуется. Молодые люди, едва научившись брать на гитаре две-три ноты и напевать, мгновенно объединяются в ансамбль и даже, случается, выходят на экран Центрального телевидения... Ну хорошо — пусть участвуют в самодеятельности, но зачем же их сразу выпускать на многомиллионную аудиторию? Тем более что другие их сверстники, глядя на голубой экран, рассуждают примерно так: «Раз показывают по телевидению, значит, это хорошо. И я могу делать точно так же». И растут подражательные ВИА, как грибы, засоряя профессиональную эстраду...

— Как вы относитесь к вокально-инструментальным ансамблям (не нескольких по-настоящему интересных, например «Песняров» или «Поющих гитар», а всего остального «половодья»), то я убежден, что их «искусство» недолговечно, потому что оно подражательское. Все началось с битлов. Но битлы войдут в историю эстрады, ибо они первые взяли за гитары и стали исполнять народные песни, осовременивать их. И еще у них — песни-баллады, каждая как рассказ, как книга, которую читаешь. Другие же ансамбли восприняли у своих кумиров не это, не суть, а

только ритм и манеру. Даже голосами (вы, наверное, заметили) все поют непременно высокими, подражая тоже битлам. Но для битлов же это — случайность, они просто родились с такими голосами...

— Вы коснулись «осовременивания» старых песен. Это сейчас тоже весьма в моде, но зачастую исполнителю изменяют и вкус, и мера, и чувство такта...

— Современная аранжировка, конечно, вносит в песню изменения, но делать это можно лишь корректно и интеллигентно, чтобы сохранить замысел композитора, чтобы песня не потеряла своего лица. Мне нравится «омолаживать» давно написанные, но по-настоящему хорошие произведения, например, песни «Темная ночь», «Любимый город», «Верные друзья», «Московские окна»... Поэтому с большим удовольствием принимаю участие в авторских вечерах композиторов...

— «Омолаживание» песни — труд огромный. Например, работа над «Темной ночью», я прослушал пять вариантов записи Марка Наумовича Бернеса. Нет, я вовсе не стремился скопировать его манеру, я хотел услышать, то что он в эту песню внес, чтобы взять себе этого процентов хотя бы пять или десять... И теперь, когда я пою «Темную ночь», сразу вспоминаю отца, погибшего на войне и очень любившего эту песню...

— Ваши друзья — только из музыкального мира?

— Что вы! В таком случае жить было бы очень скучно...

— Кто же ваш самый строгий судья и помощник?

— Однажды, отвечая уже на подобный вопрос, я назвал таким человеком своего дядю, который заменил мне отца. Я действительно очень прислушиваюсь к его оценкам. Но сейчас хочу добавить, что, пожалуй, самый строгий судья себе — я сам. Конечно, критические замечания со стороны полезны, но человек все равно должен сам обладать достаточным вкусом, чтобы понимать, хорошо он поет или плохо. Поэтому записываю в тысячный раз вот на этот магнитофон все одну и ту же песню, слушаю и записываю снова...

— Вы не собираетесь вернуться в оперу?

— Чтобы петь классику, надо на три-четыре месяца полностью отключиться от эстрады. Мне же кажется, что сейчас для эстрады очень важно, чтобы музыканты там выступали требовательные, а не просто те, кто по своим данным

не смог поступить ни в Консерваторию, ни в училище...

— Признаться, специально вчера на концерте, взяв высокую ноту, убрали в сторону микрофон!

— Специально, потому что многие слушатели, привыкнув к некоторым «микрофонным» певцам, полагают, что и я тоже без этого устройства беспомощен... Вот и напомнил, что голос у меня все-таки оперный...

— Вы по-прежнему не очень большой поклонник современной оперы?

— Я по-прежнему горячий поклонник оперы старой.

— А петь, собираясь с самыми близкими друзьями, любите?

— Знаете, раньше очень любил, но с годами это прошло. И вообще я заметил, что профессионалу в таком кругу петь трудно.

— А что поете для себя?

— Неаполитанские песни, с которых, собственно, и начинал пение.

— Какой род искусства еще вам близок?

— Рису, леплю... Как, наверное, и всякий восточный человек [улыбается], люблю готовить (это же ведь тоже «род искусства»), вот и «кизобритаем» иногда с женой, но поскольку оба — певцы, то в восточных блюдах все-таки приходится сдерживаться: голос требует к себе серьезного отношения.

— Чем еще заполняете свободное время?

— В основном чтением. Люблю научную фантастику. Летом — море, зимой — бассейн.

— Вы исполняете песни на многих языках — что же, знаете их?

— Не столько знаю, сколько спасибо маме и папе за музыкальный слух. Это дало мне способность мгновенно улавливать иноязычное произношение.

— Вы не станете отрицать, что вокруг вашего имени довольно много шума. Попасть на ваш концерт весьма сложно. Потом после каждой песни — цветы, цветы, цветы... И даже подарки... Как вы сами относитесь к своей популярности?

— Было бы неискренне не признаться в том, что приятно, когда тебя любят, преподносят цветы, шлют письма... Но в то же время не покидает грустная мысль: вдруг все это кончится, и когда-нибудь зал будет встречать прохладой... Чтобы такого не случилось, надо, наверное, не отставать от жизни, постоянно искать и находить в творчестве новое...

— Что вы посоветуете молодым людям, которые мечтают о «лаврах» популярного певца?

— Посоветовал бы о них не мечтать. Ибо мечтать надо не о «лаврах», а о том, чтобы СТАТЬ ПЕВЦОМ. Мечтать же о «лаврах» — это все равно что о собственном памятнике... Семь лет меня определили в музыкальную школу. Я мечтал стать композитором, как дед, но стал певцом. Занимаясь по шесть-семь часов в день, ибо не петь для меня было все равно что не есть, не пить. Пел все подряд, даже соправные партии, был весь в музыке... И сейчас для меня не петь — все равно что не дышать... Часто меня спрашивают в письмах: «Как стать певцом?» Действительно, как им стать? Плохим — это совсем нетрудно, так же, как, наверное, несложно выучиться на среднего токаря или фрезеровщика. Но отличный токарь должен обладать талантом. Певец — тоже. И если талант есть, то человеку остается только работать, работать всю жизнь, а если дара нет, то получается, увы, дважды выжатый лимон...

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото М. Ширмана